

Г. А. Печников, С. Д. Назаров, П. П. Смольяков

КЛАССИЧЕСКАЯ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье авторы отстаивают диалектико-материалистическую методологию как подлинно научный подход, необходимый в уголовном процессе в силу универсальности и всеобщности самих диалектических закономерностей. Диалектико-материалистическая методология исходит из достоверного познания окружающего мира, теории отражения, объективной истины, которая достижима и в уголовном процессе. Данной методологии, по мнению авторов, соответствует объективно-истинный тип (модель) уголовного процесса. В статье критикуется отвечающий интересам состязательного уголовного процесса подход с позиции «плюрализма методологий» (у каждого своя «методология»), отрицающий материалистическую диалектику, объективную истину и утверждающий релятивизм: все относительно, в том числе отличие истины от заблуждения, реального от виртуального, вероятности от достоверности и т. д. Данный подход берет за первичное не объективную реальность (материю), а сферу сознания в виде «языковой реальности», отдает приоритет не объективному доказыванию, а софистическому (состязательно-выигрышному) искусству аргументации, умению быть убедительнее, сильнее своего процессуального противника. Авторы не разделяют подход «нет истины (объективной). Все гуманитарные истины субъективны, ибо мерилom их является человек», поскольку он не учитывает действия объективных диалектических закономерностей, не зависящих от человека и человечества.

Ключевые слова: диалектико-материалистическая методология, объективные диалектические закономерности, теория познания, теория отражения, «плюрализм методологий», объективная истина, формально-юридическая (правовая, судебная) истина, «истина сильнейшего», объективно-истинный тип (модель) уголовного процесса, состязательный (выигрышно-проигрышный) тип (модель) уголовного процесса, «объективная реальность», «языковая реальность», релятивизм, вероятность, достоверность, истина, ложь, софистика, правдоподобие, критерий истины, убедительность.

G. A. Pechnikov, S. D. Nazarov, P. P. Smolyakov

CLASSICAL SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL METHODOLOGY AND THE PROBLEMS OF TRUTH IN THE CRIMINAL PROCESS

In the article the authors defend the dialectical-materialistic methodology as a truly scientific approach, which is necessary in the criminal process due to the universality and universality of dialectical regularities themselves. Dialectical-materialistic methodology proceeds from reliable knowledge of the surrounding world, the theory of reflection, objective truth, which is achievable in the criminal process. This methodology, according to the authors, corresponds to an objectively true type (model) of the criminal process. The article criticizes the approach from the point of view of „pluralism of methodologies“ (each has its own „methodology“), which rejects materialistic dialectics, objective truth and affirms relativism: everything is relative, including the difference of truth from error, real from virtual probability from reliability, etc. This approach for the primary takes not objective reality (matter), but the sphere of consciousness in the form of „language reality“, gives priority not to objective proof, but sophistry to (competitively-winning) art of argumentation, the ability to be more convincing, stronger than its procedural opponent. The authors do not share the approach □ „There is no truth (objective). All humanitarian truths are subjective, for they are measured by a man“, since he does not take into account the actions of objective dialectical regularities that do not depend on man and mankind.

Key words: dialectical materialistic methodology, objective dialectical regularities, theory of cognition, reflection theory, „pluralism of methodologies“, objective truth, formal legal (legal, judicial) truth, „the truth of the strongest“, the objectively true type (model) of the criminal process, adversarial (winning-losing) type (model) of criminal process, „objective reality“, „language reality“, relativism, probability, reliability, truth, lie, sophistry,

verisimilitude, criterion of truth, convincingly.

Всемирно известный физик-теоретик А. Эйнштейн сказал: «Самое непостижимое в этом мире — то, что он постижим» [1, с. 167]. В этом высказывании знаменитого ученого нет места агностицизму. Он по существу ставит вопрос с позиции объективной истины и необходимости ее достижения, когда обращает внимание на то, что «природа человека такова, что он всегда стремился составить для себя простой и не обремененный излишними подробностями образ окружающего его мира. При этом он пытался построить картину, которая дала бы до какой-то степени реальное отображение того, что человеческий разум видит в природе» [2, с. 45].

Какое место среди различных картин мира, созданных художником, философом и физиком-теоретиком, занимает картина мира, относящаяся к преступному деянию, «создаваемая» как отражение реальности дознавателем, следователем, прокурором и судом при расследовании и разрешении уголовных дел? Ее главными особенностями должны быть точность, объективность и внутренняя логическая непротиворечивость доказательственного материала, его достоверность. Как подчеркнул А. Эйнштейн: «Мы должны обеспечивать простоту, ясность и точность соответствия между изображением и изображаемым предметом» [2, с. 46].

Действительно истинным является лишь то знание, которое отражает то, что существует в действительности. Признание теории отражения есть признание объективного характера процесса познания, определяемого законами движения материального мира. Нет непознаваемых истин, есть истины еще не познанные. Мы можем постигнуть суть вещей, существующих независимо от нашего сознания и воли, достоверно раскрыть любое преступление, т. е. правдоподобно установить фактические обстоятельства уголовного дела.

Как заметил М. С. Строгович: «Не раскрываемых преступлений нет, есть преступления, которые не удалось раскрыть». [3, с. 329]. Преступник всегда оставляет следы, и по ним его можно обнаружить и изобличить.

Нужно отметить, что отрицание предпосылок познания человеком объективной реальности и возможности приобретения истинных знаний о ней неминуемо приводит к *субъективному идеализму*. Требование установления истины по уголовным

делам — одно из проявлений *гуманизма* [4, с. 34].

Диалектико-материалистическая гносеология (теория познания) несовместима с агностицизмом, субъективизмом, софистикой и вероятностным подходом, поскольку неотделима от объективной истины, достоверности, диалектического движения познания от незнания к знанию, от вероятности к достоверности, т. е. от объективной истинности познаваемого явления, предмета.

Истина, установленная по уголовному делу, является *объективной* в том значении этого понятия, которое придается ему диалектико-материалистической теорией познания: соответствие мысли о предмете реальной действительности, самому этому предмету в том виде, как он существует независимо от познающей его мысли. Объективная истина противопоставляется субъективному мнению, представлению, которое истинно только тогда, когда оно правильно отражает объективную действительность, соответствует ей, иначе оно является не истиной, а заблуждением. В связи с этим выводы следствия и суда об обстоятельствах уголовного дела выражают объективную истину лишь в том случае, когда они соответствуют действительно происшедшим событиям, фактам, обстоятельствам [3, с. 133].

Стремление к объективной истине, к тому, чтобы познать, «как на самом деле», является естественной и насущной потребностью человека и человечества. Справедливо утверждение Г. В. Мальцева: «Стремление к истине есть фундаментальный культурный императив, оно является частью универсальной мировоззренческой схемы, имеющей общечеловеческий характер» [5, с. 79].

Интересам установления объективной истины по уголовным делам (точного установления «как все было на самом деле») отвечает, с нашей точки зрения, объективно-истинный тип (вид, модель) уголовного процесса, в котором состязательность — лишь средство (одно из средств) достижения объективной истины как общей социально значимой цели уголовного процесса. Ему противостоит состязательный (выигрышно-проигрышный) тип уголовного судопроизводства, где состязательность самодостаточна и отрицает объективную истину. Он (к нему относится и современный Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ)) основан на совершенно иных ценностных ориентирах: «состязательных», «выигрышно-проигрышных». Как известно, в

любом состязании, побеждает сильнейший, поэтому действующий УПК РФ направлен не на бескомпромиссную борьбу с преступностью, а на выявление победителя в правовом споре (конфликте) сторон. Права личности в нем защищены не «объективно-истинно», а лишь относительно, «состязательно-выигрышно», «состязательно-проигрышно», так как действительно виновный (преступник) может выиграть процесс (дело), а действительно невиновный проиграть. В состязательном уголовном процессе торжествует «право и справедливость сильного», а не правого, поэтому совсем не случайно, что в УПК РФ отсутствует принцип неотвратимости ответственности виновных. Все осуществляется в пределах состязательности (состязания сторон) и без всякого выхода за ее рамки. Если сторона не выигрывает процесс (дело), то она обязательно его проигрывает. Третьего не дано.

В состязательном уголовном судопроизводстве наличествует не объективная, а «формально-юридическая» истина, поскольку позиция победителя может не соответствовать объективной реальности. В действительности виновный, но выигравший процесс (дело), здесь вовсе не виновный, а «победитель» дуэли сторон, поэтому он вполне законно уходит от уголовной ответственности. Так понимает суть дела законодатель в состязательном уголовном процессе. Отсюда следует, что о теории отражения, об объективной истине, о том, что процесс познания фактических обстоятельств дела должен осуществляться диалектически: от незнания к знанию, от вероятности к достоверности, от версии к истине, от явления к сущности, от тайного к явному — в условиях состязательной (выигрышно-проигрышной) процедуры судопроизводства говорить не приходится, поскольку все решает сама состязательность сторон.

Состязательному уголовному процессу интересна неопределенная, «расплывчатая» методология, не предписывающая опираться на диалектико-материалистические законы и правила, учитывать которые объективно необходимо и в уголовном судопроизводстве. Диалектика же требует определенности во всем, например, четкого отличия добра от зла, белого от черного, цели от средств, формы от содержания, презумпции невиновности от презумпции виновности, неотвратимости ответственности от безнаказанности и т. д.

Отказ от определенности в отношении противоположных парных диалектических

категорий есть отказ от диалектики как логики и теории

познания, необходимости учета ее объективных, не зависящих от человека и человечества закономерностей. Отсюда возникают субъективизм, вседозволенность, произвол («сколько голов, столько и умов», все относительно, релятивно), плюрализм (множество) истин и «плюрализм методологий». Объективной истине и материалистической диалектике места не остается.

Состязательному уголовному процессу важна, как видится, всякая методология, основанная на релятивизме: все относительно, условно и никаких четких разграничительных пределов между диалектическими полярными противоположностями нет

и быть не может (например, между научной и ненаучной методологией). Таким релятивизмом отличались еще софисты в Древней Греции. Они отрицали объективную истину, поскольку считали, что у каждого есть свое мнение, своя «истина». Софисты как первые прагматики античности обучали искусству спора (эристике), технике словесной эквилибристики не для того, чтобы раскрыть истину, а наоборот, чтобы сделать слабое мнение сильным, заставить поверить в свою правоту даже если сами неправы. Отсюда возникает софизм — измышление, преднамеренно ложный вывод [6, с. 47].

Как и современный законодатель в состязательном УПК РФ, софисты исходили из того, что в правовом споре побеждает сильнейший. При этом успеха можно добиться и с помощью софистической уловки, в частности, использование приема «подмены тезиса» позволяло им выдавать белое за черное, и наоборот. Важен сам результат — выигрыш дела.

В наши дни у приверженцев состязательного уголовного процесса выявляются софистически неопределенное отношение к методологии, отказ от теории отражения, объективной истины и идеализация «состязательного правосудия», защита чисто состязательных ценностей в духе современной неолиберальной идеологии. В этом плане вызывает интерес статья известных представителей нижегородской школы процессуалистов профессоров А. С. Александрова и В. В. Терехина «Пять тезисов из Манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права». В своей работе авторы предлагают ряд мировоззренческих позиций, на которых строят «постпостмодернистский» Symbolum [7,

с. 8—14]. Так, они пишут: «Нет диктату „методологий“. Мы являемся сторонниками гносеологического плюрализма» [7, с. 11]. Словом, у каждого своя «методология». Ученые не приемлют самой постановки вопроса о научности, какой бы то ни было методологии вообще, поэтому, естественно, отрицают существование диалектических закономерностей, не зависящих от человека и человечества: «Мы против того, чтобы слепо принимать условности, выдаваемые за объективные закономерности» [7, с. 11].

Так же, как и софисты, А. С. Александров и В. В. Терехин утверждают: «Нет истины (субъективной). Все гуманитарные истины субъективны, ибо мерилom их является человек» [7, с. 12]. «Новая состязательная теория судебных доказательств — это хорошо забытая софистика, которую мы намерены оправдать в виде риторической стратегии аргументации» [7, с. 12].

Источник объективности для авторов указанной статьи заключен не в объективной реальности, а в языке, культуре, традициях, «общественном мнении»: «Объективность субъекта в типичности его мышления, запрограммированности языком, культурой, традицией, формой... Мы разделяем мнение о производности сознания и мышления от языка. Разум — это язык. Сознание имеет языковое устройство. Реальность дана человеку в языковой картине» [7, с. 10]. С нашей позиции, авторы в своих теоретических воззрениях неизбежно проводят *философский идеализм*. Как отметил крупный философ-диалектик Э. В. Ильенков: «...материя — объективная реальность, данная нам в ощущении, кладется материализмом в основу теории познания (гносеологии), в то время как идеализм любого сорта кладет в основу гносеологии сознание под тем или другим его псевдонимом (будь то „психическое“, „сознательное“ или „бессознательное“, будь то „система форм коллективно-организованного опыта“ или „объективный дух“, индивидуальная или коллективная психика, индивидуальное или общественное сознание» [8, с. 34]. Соответственно, к сфере сознания относятся и «языковая картина мира», и «уголовно-процессуальная реальность», в качестве основных объектов которой авторы рассматриваемой статьи называют текст, язык, речедетальность, знак, судопроизводство как «языковую игру» [7, с. 8, 11]. Как видится, такой подход ведет к отрицанию объективной истины и утверждению истины «правовой», «судебной», «формально-юридической». Тогда и правовой спор сторон можно выиграть чисто словесной аргументацией, софизмами, «игрой слов» и т. п. При этом фразы, словесные доводы сторон могут быть и фальшивыми, а слова, текст,

знаки начинают жить собственной жизнью в отрыве от реальной действительности и приносить успех сильной стороне. Все — в пределах языка и без всякого выхода за языковой опыт. Данный подход неминуемо ведет к релятивизму: все относительно. Отсюда — стирание авторами различий между противоположностями, такими как: объект и субъект, объективное и субъективное, вероятность и достоверность, виртуальная реальность и подлинная реальность, цель и средства, истина и ложь [7, с. 9—13].

В статье утверждается: «Оппозиция лжи/ истина относительна („истина-ложь, вывернутая наизнанку“ по Ж. Деррида). Особенно это актуально для уголовного судопроизводства» [7, с. 12]. «Правосудие — это игра, его значимость и социальная ценность в самой игре, ее организации... Судебная истина является гадательной, вероятным знанием. Концепция объективной истины — явление зла, порожденное цивилизационной (а значит тоталитарной) юридической традицией. Мы не принимаем распространенную метафору „отражения“, служащую методологическим базисом для теории объективной истины» [7, с. 12]. Действительно, за вероятностный предел «раздуманных сомнений» субъективной, правовой истины состязательный уголовный процесс выйти не может. А. С. Александров и В. В. Терехин утверждают: «Сомневаться в „истинности“ утверждения противника — это легальный способ мышления в состязательном процессе... Поэтому стандарт „разумных сомнений“ — универсальный стандарт определения судебной истины и интерпретации. Не может быть универсальной рациональности, есть лишь различные *языковые игры*» [7, с. 12].

Состязательный уголовный процесс не в состоянии привести от вероятности к достоверности. Однако подлинная сущность уголовного судопроизводства состоит не в том, чтобы вероятность в нем так и осталась вероятностью, а в том, чтобы вероятность стала достоверностью, преобразовалась в нее посредством объективного доказывания. Достигать достоверности, объективной истинности в итоговых выводах по уголовному делу — вот искомая цель уголовного судопроизводства. Полагаем, что оно должно подходить к сути дела не с позиции узкопрагматических, выигрышных интересов и целей сторон, выясняющих, кто из них сильнее (тогда оно — пустая игрушка в руках «сильной стороны»), а с позиции общей, высокой объективно-истинной цели. В этом заключен залог его подлинной самостоятельности и независимости, объективности и справедливости. Личность в

уголовном процессе должна обладать правом на объективную истину.

Для состязательного уголовного процесса важна технология выигрыша дела сама по себе. Из этого исходит и софистика. Как отмечал Гегель: «...Для последней характерно не содержание, которое может быть и истинным, а форма оснований, доводов, благодаря которой можно как все защищать, так и нападать на все» [9, с. 285—286]. По существу, состязательный уголовный процесс — процесс, «замкнутый на себя», так как решает проблемы, находящиеся только в нем самом и без всякого выхода за границы состязательной формы. Он тавтологичен, поскольку не пересекает границ таких вытекающих из состязательного процесса тавтологических формул, как: «состязательность в состязательном уголовном процессе самодостаточна», «состязательный поединок сторон решает суть дела», «за границами состязательности нет и не может быть никакой цели», «все осуществляется в рамках состязательной формы», «состязание для состязания» и т. п. В отличие от этого диалектика требует делать необходимый шаг от явления к сущности, от формы к фактическому содержанию, от средств к цели, от вероятности к достоверности. Но состязательный уголовный процесс, как видится, далек от диалектики. Он исходит из «приоритетности установленной законом процедуры судопроизводства по сравнению с задачей установления фактических обстоятельств дела» [10, с. 8—9]. Не случайно, А. С. Александров и В. В. Терехин утверждают: «Истинными должны быть порядок, форма, процедура судебного познания, а не цель, результат. Суду, нужно стремиться не к тому, чтобы познать „объективную истину“, а соблюсти справедливый порядок судебного процесса, это стабилизирует» [7, с. 13].

Поскольку в состязательном уголовном процессе все относительно релятивно, условно и не выходит за пределы правдоподобия, то критерием отличия «истины» от «лжи» здесь выступает не практика, а убедительность стороны в правовом споре. Так, авторы цитируемой статьи исходят из того, что «мера лживости и истинности „правдоподобного“ утверждения любой из сторон в уголовном деле пропорциональна его убедительности» [7, с. 12]. Действительно, в состязательной концепции судопроизводства все лишь правдоподобно: и истина, и ложь. Такой вид уголовного процесса направлен не на выяснение подлинного отличия действительной истины от действительной лжи, а на выяснение силы сторон. Значит, «судебная истина» (ее можно назвать

«состязательно-выигрышной истинной») всегда на стороне победителя. Здесь важно, кто кого переговорит. «Судебная истина — отмечает А. С. Александров, — является результатом судоговорения. Она является вероятным знанием» [11, с. 12]. «Судебный спор — это спор для слушателей (судей). Здесь действует не строгое доказательство, а лишь фактор убеждения аудитории, убеждение основывается не на „истине“, а на правдоподобии: то, что правдоподобно — это просто то, что аудитория считает истинным... Искусство юриста-оратора состоит

в создании у судей впечатления о правдоподобности своего рассказа о предполагаемых обстоятельствах дела» [11, с. 29—31]. Именно такая,

с нашей точки зрения, ненаучная, отрицающая диалектико-материалистическое мировоззрение, субъективная «методология» (у каждого своя «методология»), изложенная авторами названной статьи, как раз характерна для современного отечественного состязательного уголовного процесса, где побеждает сильнейший, а объективная истина (достоверное установленное фактическое обстоятельство дела) и объективная справедливость

(в отличие от справедливости сильнейшего в состязательном процессе) остаются невостребованными. Но нигилизм в отношении объективной истины ущербен. Нельзя не согласиться, что «интенция истины и вера в возможность ее доказать придает познавательной деятельности нравственный смысл, тогда как безразличие к ней воспринималось на всем протяжении истории культуры как угроза нравственному бытию общества» [12, с. 230—231].

Победить в схватке сторон и доказать объективную истину по делу — совсем разные цели судопроизводства. По нашему мнению, уголовный процесс с объективной истиной крайне необходим. Из этого исходит и Следственный комитет Российской Федерации, разработавший законопроект «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с введением института установления объективной истины по уголовному делу» [13].

1. Виноградова Т., Григорова Д. Великие люди, которые изменили мир. М., 2016.
2. Эйнштейн А. Эйнштейн о религии. М., 2010.
3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1
4. Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М., 2008.
5. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007.
6. Латинские юридические изречения / сост. Е. И. Темнов. М., 2003.
7. Александров А. С., Терехин В. В. Пять тезисов из Манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2015. № 1 (26). С. 8—14.
8. Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма: (Размышления над книгой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., 1980.
9. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1975.
10. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006.
11. Александров А. С. Язык уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003.
12. Киященко Л. П., Тищенко П. Д. Апории современного гуманитарного знания // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М., 2004.
13. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу: проект федер. закона. URL: www.Sledcom.ra (дата обращения: 05.05.2018).

© Печников Г. А., Назаров С. Д.,
Смоляков П. П., 2018

1. Vinogradova T., Grigorova D. Great people who changed the world. M., 2016.
2. Einstein A. Einstein on religion. M., 2010.
3. Strogovich M. S. Course of the Soviet criminal process. M., 1968. T. 1.
4. Ulyanova L. T. The subject of proof and evidence in a criminal process of Russia. M., 2008.
5. Maltsev G. V. Social grounds of law. M., 2007.
6. Latinsky legal sayings / comp. E. I. Temnov. M., 2003.
7. Alexandrov A. S., Terekhin V. V. Five theses from the Manifesto of critical legal research of the Russian criminal procedural law // Bulletin of Volgograd State University. Series 5. Jurisprudence. 2015. No. 1 (26). Pp. 8—14.
8. Il'enkov E. V. Lenin's dialectics and the metaphysics of positivism: (Reflections on VI Lenin's book Materialism and Empirio-Criticism). M., 1980.
9. Hegel. Encyclopedia of Philosophical Sciences. T. 1. The science of logic. M., 1975.
10. Mikhailovskaya I. B. The judge's desk book on proving in criminal proceedings. M., 2006.
11. Aleksandrov A. S. The language of criminal proceedings: the author's abstract. dis. ... dr. jurid. sciences. Nizhny Novgorod, 2003.
12. Kiyashchenko L. P., Tishchenko P. D. Aporias of modern humanitarian knowledge // Synergetic paradigm. Kognitivno-communicative strategy of modern scientific knowledge, M., 2004.
13. On Amending the Code of Criminal Procedure in connection with the introduction of the institution of objective truth in the criminal case: draft federal law. URL: www.Sledcom.ra (date of circulation: 05/05/2018).

© Pechnikov G. A., Nazarov S. D.,
Smolyakov P. P., 2018